

УДК 327(470)(075)

О.Н. Пряжникова*

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ ФИНСКОГО ИНСТИТУТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(Обзор)**

Аннотация. В обзоре представлены результаты исследований российско-китайских отношений, проведенных экспертами Финского института международных отношений и затрагивающих такие аспекты сотрудничества двух стран, как экономические связи, безопасность, региональные интересы.

Ключевые слова: Финский институт международных отношений; экономические связи; сотрудничество в сфере безопасности; региональные интересы; Китай; Россия; Средняя Азия; Ближний Восток; Арктика.

O.N. Pryazhnikova

**Russia-China relations: assessments of experts
of the Finnish Institute of International Affairs
(Review)**

Abstract. The review presents the results of studies of Russia-China relations conducted by experts of the Finnish Institute of International Affairs, with regard to such aspects of relations between the two countries as economic ties, security cooperation and regional interests.

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Pryazhnikova Olga, researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: Finnish Institute of International Affairs; economic cooperation; security cooperation; export of energy products; regional interests; China; Russia; Central Asia; Middle East; Arctic.

Введение

Финский институт международных отношений (Finnish Institute of International Affairs – FIIA) был учрежден парламентом Финляндии в июне 2006 г. Он представляет собой автономную организацию, ведущую исследовательскую деятельность, под управлением совета из девяти членов, а также при поддержке консультативного и ученого совета¹. FIIA является исследовательским институтом, который видит свою миссию в изучении международных отношений, актуальных международных проблем и направлений внешней политики ЕС. Институт реализует свои цели, проводя исследования, организуя внутренние и международные семинары и публикуя отчеты о результатах исследований.

Особый интерес для экспертов FIIA представляют отношения между Россией и Китаем. Китай в настоящее время является одним из главных торговых партнеров России. После введения в 2014 г. санкционного режима в отношении России, который не позволяет странам Запада финансировать некоторые отечественные проекты в области энергетики, инфраструктуры и транспорта, Китай все активнее «входит» в эти сектора российской экономики. Оба государства стремятся к созданию многополярного мироустройства. Совпадение интересов Пекина и Москвы позволяет им участвовать в региональных институтах и группах, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС.

Результаты анализа российско-китайских отношений специалистами FIIA представлены в информационных публикациях (briefing papers) и ряде соответствующих докладов, выпущенных институтом, которые рассматриваются в настоящем обзоре.

Экономические связи

В докладе FIIA «Отношения Китая и России: Текущее состояние, альтернативные варианты будущего и последствия для

¹ Finnish Institute of International Affairs. – Mode of access: <https://www.fiia.fi/en/introduction> (дата обращения: 02.07.2020).

Запада» (2011) обсуждались особенности развития экономических связей Китая и России. В течение первого десятилетия XXI в. стоимость российского экспорта в Китай выросла в 4 раза: с 5 млрд долл. в начале 2000-х годов до 20 млрд долл. к 2010 г. Такое увеличение экспорта было обусловлено ростом китайской экономики и соответственно увеличением спроса на энергоресурсы, с одной стороны, и повышением мировых цен на энергоносители и увеличением добычи нефти в России – с другой. При этом в процентном отношении доля Китая в экспорте России выросла за этот период чуть более чем на 6%. Отмечается, что российский импорт из Китая также быстро увеличивался: его доля выросла с 3% в начале десятилетия до 17% в 2010 г. В результате Китай стал самым важным торговым партнером России [Russia-China..., 2011, p. 38–59].

Несмотря на заявления российских официальных лиц о стремлении диверсифицировать экспорт и увеличить в нем долю высокотехнологичных товаров, в действительности в этот период структура экспорта двинулась в обратном направлении. Если в середине 1990-х годов на нефть и сырье приходилось примерно 10% российского экспорта в Китай, то к началу 2000-х годов – 30%, а в 2010 г. – уже 70%. Изменения в структуре российского импорта из Китая выразились в росте доли технологически сложных товаров и сокращении доли продовольственных товаров. Наблюдалось сокращение импорта текстиля и увеличение импорта машин и оборудования (компьютеров, телефонов, бытовой техники, транспортных средств). Китай, в отличие от России, смог расширить ассортимент своей экспортной продукции и начал экспортировать всё большие объемы высокотехнологичных товаров. Кроме того, Китай, увеличивая масштабы инвестиций, стал крупным игроком на российском рынке. Роль России в китайской экономике, за исключением экспорта энергоносителей и некоторых видов сырья (главным образом, круглый лес), остается незначительной [Russia-China..., 2011, p. 45].

В первом десятилетии XXI в. политические отношения между двумя странами были лучше, чем когда-либо ранее. Однако увеличение масштабов взаимной торговли было обусловлено именно феноменальным экономическим ростом Китая и необходимостью для него новых поставщиков энергии и сырья. При этом финские эксперты не видят перспектив углубления экономической интеграции двух стран. Основным препятствием для более широкого экономического сотрудничества между Россией и Китаем назы-

вают проводимую обеими странами протекционистскую политику [Russia-China..., 2011, p. 59].

Анализ особенностей развития экономических связей Китая и России был продолжен в докладе ФПА «Российско-китайские и российско-американские отношения: Текущая ситуация и будущие тенденции» (2018). В нем подчеркивается, что Китай по-прежнему остается крупнейшим торговым партнером России, хотя в стоимостном выражении взаимный товарооборот двух стран значительно уступает соответствующим показателям сотрудничества с их западными партнерами. Объем взаимной торговли России и Китая достиг в 2017 г. 84 млрд долл. Между тем товарооборот России и ЕС составил в том же году 267 млрд долл., а товарооборот Китая с ЕС и Китая с США соответственно – 665 и 634 млрд долл. Значительная часть российского экспорта, как и прежде, представляет собой энергоресурсы, в первую очередь нефть. С точки зрения Китая, импорт энергоресурсов из России отвечает помимо прочего стратегическим интересам, так как большая часть поставок осуществляется по наземным трубопроводам без транзита через третьи страны, что обеспечивает высокую степень их безопасности [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 29].

Если в первую декаду XXI в. российский экспорт в Китай составлял 5–6% совокупного экспорта, то во второй декаде этот показатель увеличился до 11% за счет роста поставок нефти. Китай также укрепил свои позиции на российском рынке и поставляет 21% товаров, импортируемых в Россию. В то же время доля российских товаров в китайском экспорте товаров на протяжении последнего десятилетия держалась на уровне около 2% [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 30].

Исследователи отмечают относительно малые объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) китайских компаний в России и практически отсутствие российских корпоративных инвестиций в китайскую экономику. Начиная с 2000 г. доля китайских ПИИ в Россию остается на уровне 1% от всех ПИИ, приходящих на российский рынок, или ниже. В 2014–2015 гг., когда инвестиции из других стран резко сократились в связи с санкциями, доля китайских ПИИ достигла 10% совокупных ПИИ в 2015 г. Однако уже в 2017 г. доля Китая в объеме ПИИ, размещаемых в России, вернулась на уровень менее 1%. Большая часть (64%) китайских ПИИ в 2006–2017 гг. была вложена в российский энергетический сектор, а 11% – в производство металлов. В последнее время растет

интерес китайских инвесторов к российскому сектору онлайн-торговли [Kaczmariski, Katz, Tiilikainen, 2018].

Россия и Китай неоднократно пытались увеличить взаимные инвестиции, в том числе путем создания Российско-китайского инвестиционного фонда. Однако политических установок недостаточно, чтобы убедить китайские банки и корпорации инвестировать в экономику России. Препятствиями роста китайских ПИИ в России служит относительно небольшой размер отечественного рынка и беспокойство инвесторов по поводу западных санкций.

Сотрудничество в сфере безопасности

В прошедшее десятилетие, по мнению финских специалистов, совместные военные учения, наряду с торговлей оружием, стали основными составляющими сотрудничества стран в сфере безопасности. Торговля оружием в последние годы оценивается как достигшая своего пика. А сотрудничество в рамках совместных учений становится все более разнообразным и затрагивает новые сферы [Kaczmariski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 33].

На китайские закупки вооружения в период 1999–2006 гг. приходилось 34–60% совокупного экспорта оружия из России. Пик поставок российского оружия Китаю пришелся на 2005 г., когда их стоимость составила 3,1 млрд долл. Впоследствии продажи резко упали, сократившись до 0,6 млрд долл. в 2016 г. [Sinkkonen, 2018]. Причин тому несколько. Во-первых, Китай стал более ограничен в ресурсах в связи с замедлением темпов экономического роста. Во-вторых, он расширил инвестиции в свою армию и оборонную промышленность, что сократило потребности в закупках из России. В-третьих, Россия стала опасаться заимствования китайской стороной своих передовых технологий и прекратила продажи содержащей их продукции. Однако после подписания соглашения о защите авторских прав начиная с 2015 г. Россия постепенно стала вновь продавать Китаю свои новейшие военные технологии.

Эксперты подчеркивают намерения Китая достичь как можно быстрее «самодостаточности» в сфере производства военной техники. Таким образом, перспективы сохранения современного объема продаж вооружения весьма ограничены. Однако Китай и Россия могут найти «нетрадиционные» сферы кооперации, связанные с обеспечением безопасности, сотрудничество в которых принесет пользу обеим сторонам в будущем. Прежде всего, это

сфера интернет-цензуры, которая видится одним из ключевых приоритетов внутренней политики правительств и Китая, и России. Китайский опыт создания и функционирования межсетевого экрана (firewall)¹ может быть востребован в России, которая, по мнению финских экспертов, предпринимает шаги к уменьшению свободы в российском киберпространстве [Sinkkonen, 2018, p. 6].

Специалисты ГИА расценивают российско-китайские совместные учения, которые впервые состоялись более десяти лет назад, как попытку сигнализировать Западу о потенциале более тесного сотрудничества Китая и России в сфере военной безопасности в будущем [Kaczmariski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 37]. В настоящий момент компоненты этих маневров включают наземные учения «Мирная миссия», военно-морские учения «Морское взаимодействие», учения с использованием компьютерной симуляции по защите от атак баллистических ракет «Воздушно-космическая безопасность» и войсковые учения с целью обеспечения внутренней безопасности. В последних участвуют силы внутренней безопасности обеих стран: Российская национальная гвардия (Росгвардия) и Китайская народная вооруженная полиция.

Качественным изменением военного сотрудничества России и Китая в перспективе может стать решение создать полноценный союзнический альянс [Kaczmariski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 40]. Препятствием углубления союзнических отношений служит увеличивающийся разрыв между двумя странами по их весу на международной арене. Усиливающаяся асимметричность баланса сил в данном союзе в обозримом будущем поставит перед Россией выбор, играть ли ей в альянсе подчиненную роль или нет. Вместе с тем на данном этапе противостояние России и Китая в широком смысле странам Запада формирует у них совпадающие интересы [Sinkkonen, 2018, p. 8]. В сложившейся ситуации эксперты ГИА выделяют два направления развития российско-китайской кооперации, которые могли бы изменить модель сотрудничества: переход к масштабным продажам китайской военной техники вооруженным силам России и начало совместного производства военной техники.

¹ Межсетевой экран – программный или программно-аппаратный элемент компьютерной сети, осуществляющий контроль и фильтрацию проходящего через него сетевого трафика в соответствии с заданными правилами.

Реализация региональных интересов

После распада СССР Китай начал расширять свое влияние в *Средней Азии*, а в конце 2000-х годов стал крупнейшим торговым партнером стран региона, ключевым источником коммерческих займов и финансовой помощи, а также крупным инвестором в инфраструктуру среднеазиатских государств. Участвуя в развитии сектора энергетики региона, Китай построил сети газо- и нефтепроводов и подписал ряд долгосрочных контрактов на поставки энергоресурсов, что лишило Россию монополии на транзит среднеазиатского газа. Наладив поставки газа для собственных нужд, Китай опередил Россию, выйдя на первое место среди импортеров по закупкам местного газа.

Вместе с тем Россия продолжает занимать лидирующее положение в регионе в сфере обеспечения безопасности. А именно: в Средней Азии присутствуют российские войска; страны региона и Россия входят в формальный союз – Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); налажено двустороннее сотрудничество между вооруженными силами России и среднеазиатских государств; Россия осуществляет поставки военной техники в регион [Kaczmariski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 41].

С одной стороны, Россия пытается восстановить и поддерживать исторические связи на постсоветском пространстве. Одним из результатов этой деятельности является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), чья сложная правовая база представляет собой, по мнению финских специалистов, защитную стену, отделяющую страны – члены ЕАЭС от других. С другой стороны, Россия выдвигает и более широкие идеи сотрудничества, выходящие за рамки постсоветского пространства, а именно проект Большой Евразии. Идея предполагает сотрудничество с ЕС, а также включение в кооперацию основных игроков азиатского региона: Китая, Индии и стран АСЕАН [Kaczmariski, Katz, Tiilikainen, 2018].

Китай определяет свое видение регионального сотрудничества в функциональных, а не пространственных терминах. По мнению финских исследователей, это отражает его цель – преодолеть существующие и будущие региональные соглашения, а также предотвратить создание другими государствами закрытых политико-экономических блоков. Основу такого сотрудничества призвано составить развитие взаимной торговли и инвестиции со стороны Китая в инфраструктурные проекты, способствующие поддержа-

нию открытости экономик других стран для китайских товаров и капитала. Материальной реализацией этой концепции стала инициатива «Один пояс – один путь». Отличительной особенностью китайского проекта эксперты называют его гибкость и отсутствие строгой географической привязки, что предполагает открытость и низкие входные барьеры для партнеров.

Регионализм Москвы и Пекина преследует разные цели и исключает конкуренцию между двумя государствами. Проект Китая «Один пояс – один путь», даже если он изначально задумывался как ответ на инициативу ЕАЭС, не представляет собой открытого вызова для России. Китайское видение отражает экономические приоритеты, тогда как для России ключевым остается политическое влияние [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 44].

Компоненты инициативы «Один пояс – один путь», которые реализуются в настоящее время и имеют отношение к российско-китайским отношениям, включают: строительство железнодорожного сообщения между Китаем и ЕС по территории Казахстана, России и Белоруссии (т.е. по территории стран – членов ЕАЭС) и инвестиции в транспортную систему, инфраструктуру и проекты в сфере энергетики, финансируемые Фондом Шелкового пути и / или Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. По оценкам экспертов ФПА эти процессы создают стимулы для России расширять сотрудничество с Китаем в среднеазиатском регионе [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018].

Роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в российско-китайских отношениях противоречива. С одной стороны, Россия и Китай изначально явно имели разные взгляды на то, как она должна развиваться. Москва видела организацию как геополитический блок в противовес союзам стран Запада. При этом российская сторона пыталась использовать ШОС как средство контроля над деятельностью Китая в Средней Азии, в том числе над контактами Китая со среднеазиатскими государствами в нефтегазовом секторе. Китай, в свою очередь, рассматривал ШОС как регионально ориентированную форму сотрудничества в экономическом измерении, включающего развитие зоны свободной торговли. С другой стороны, в рамках ШОС удалось создать платформу для диалога по проблемам стран Средней Азии. В результате страны региона нашли способ обеспечить сбалансированные отношения с Россией и, опираясь на поддержку Китая, сопротивляться некоторым навязываемым им политическим шагам

(имеется в виду их отказ признать независимость Абхазии и Южной Осетии) [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 47].

Государства Средней Азии пытаются поддерживать баланс между Китаем и Россией. Они приветствуют китайское экономическое присутствие, но используют политические связи с Москвой как своего рода страховку сохранения независимости от Пекина. В краткосрочной перспективе, по мнению финских экспертов, можно ожидать заключения соглашения между ЕАЭС и Китаем, что благоприятно скажется на развитии региональной торговли. В долгосрочной перспективе китайские инициативы, в частности «Один пояс – один путь», могут «поглотить» ЕАЭС, возглавляемый Россией. В результате российский интеграционный проект может стать частью более широкой модели китайского межрегионального сотрудничества [Kaczmarek M. Russian-Chinese..., 2018].

Другим фактором, влияющим на российско-китайские отношения, может стать реализация интересов России и Китая в *Арктике*. Специалисты ФПА указывают, что Москва определяет свою арктическую политику с точки зрения защиты суверенитета, национальных интересов и национальной безопасности. Китай, оправдывая свое растущее присутствие в регионе, рассматривает Арктику с позиции ее перехода под глобальное управление и присвоения статуса всеобщего достояния. Стремление России получить больший контроль над регионом входит в противоречие с амбициями Китая сделать Арктику «открытой». В 2015 г. Россия повторно подала в ООН заявку на расширение границ своего континентального шельфа в Северном Ледовитом океане на 1,2 млн кв. км. В 2017 г. Китай объявил о развитии проекта Полярного Шелкового пути в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Эти действия не обязательно приведут к обострению конкуренции в регионе, но могут способствовать росту напряженности в двусторонних отношениях [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 49].

Ближний Восток и Северная Африка (Middle East and North Africa – MENA) в последние несколько лет заняли особое место во внешней политике России и Китая. Российское военное участие в сирийском конфликте, начатое в 2015 г., привело к тому, что Москва стала ведущим игроком в сирийской гражданской войне, и укрепило позиции России как глобального игрока. Вместе с тем Китай превратился в крупного экономического партнера для региона MENA и расширил здесь свое политическое присутствие. Разыгрывая свои лучшие «карты», военные и экономические соответственно, Россия и Китай представляют серьезный вызов доми-

нированию стран Запада в регионе. Хотя Пекин не готов активно поддерживать геополитическое маневрирование России ни военной поддержкой, ни экономической, в частности, не принимая никакого участия в восстановлении Сирии [Siddi, Kaczmariski, 2019].

Эксперты ФПА подчеркивают, что Россия и Китай на текущий момент смогли достичь согласованности своих целей и позиций в регионе MENA и получили положительную реакцию большинства стран, которые, в целом, приветствуют китайские инвестиции и дипломатическое участие России в решении проблем региона [Siddi, Kaczmariski, 2019, p. 8].

Участие в системе глобального управления

Россия и Китай участвуют в процессах и органах глобального управления (ГУ)¹ с разной степенью интенсивности, что объясняется их разными материальными возможностями, степенью интеграции в мировую экономику и особенностями оценки правительствами двух стран важности поддержания связей с внешним миром. Точками соприкосновения политики России и Китая в сфере ГУ называют: убежденность правящих элит обоих государств в их особой роли в мире в качестве великих держав; членство в ключевых международных институтах, дающих право голоса на основных мировых форумах; схожие взгляды на большинство аспектов международной политики; почти идентичная риторика, утверждающая верховенство ООН и международного права [Kaczmariski M. China..., 2018].

Россия и Китай сыграли ключевую роль в создании группы БРИКС, что, по мнению специалистов ФПА, отражает их стремления создать альтернативную глобальную институциональную среду. В рамках БРИКС учрежден Новый банк развития и резервный фонд, проводятся регулярные встречи на уровне министров финансов, руководителей центральных банков, министров торговли, министров науки, технологий и инноваций, а также пред-

¹ Глобальное управление (ГУ) – так называемая система сложных взаимодействий и взаимозависимости между различными государственными и негосударственными акторами. ГУ охватывает вопросы разрешения конфликтов, нераспространения ядерного оружия, международного развития и т.д. Система создана в основном западными странами на основе соответствующих ценностей, таких как индивидуальные права человека, и определенных правил, регулирующих международный порядок.

ставителей торговых ассоциаций и деловых кругов стран-членов [Kaczmariski M. China..., 2018].

Помимо сотрудничества с Россией в БРИКС, Китай развивает свои собственные институты, призванные помочь Пекину влиять на формирование ГУ. Самым успешным на сегодняшний день стало создание в 2015 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Более 50 государств, включая Россию, присоединились к банку в качестве членов-учредителей. Китай также установил форматы для регионального сотрудничества: «16+1», в рамках которого развивает отношения с государствами Центральной и Восточной Европы, и Форум китайско-африканского сотрудничества (Forum on China-Africa Cooperation – FOCAC). Попытки строительства альтернативных институтов ГУ Москвой за пределами постсоветского пространства остаются незначительными. Число участников Евразийского банка развития, учрежденного Россией более десяти лет назад, по-прежнему ограничено членами Евразийского экономического союза [Kaczmariski M. China..., 2018, p. 6].

Пекин располагает достаточными экономическими ресурсами для активного формирования практик ГУ, в то время как России в большинстве случаев нечего предложить кроме политической поддержки тех или иных инициатив. При этом время от времени предпринимаемые Россией действия по расширению своего влияния на мировой арене провоцируют нестабильность и могут косвенно навредить Китаю в долгосрочной перспективе, став ключевым препятствием для более глубокого стратегического российско-китайского сотрудничества. Например, конфликт с Украиной фактически перекрыл один из возможных маршрутов для китайской инициативы «Один пояс – один путь» [Kaczmariski M. China..., 2018, p. 6].

Заключение

За последнее десятилетие российско-китайские отношения развивались асимметрично. Это обусловлено растущим в пользу Китая разрывом материальных возможностей государств – объемами ВВП, торгового оборота, инвестиций, военных бюджетов. Поэтому Россия нуждается в поддержке Китая в большей степени, чем Китай в поддержке со стороны России [Kaczmariski M. The decreasing..., 2018, p. 1].

Вместе с тем, подчеркивают эксперты ФИА, изменение политики Запада по отношению к Китаю потенциально может уменьшить асимметрию российско-китайских отношений. В 2017 г. в Стратегии национальной безопасности США Китай был назван «стратегическим конкурентом» наравне с Россией. В докладе¹ по итогам 54-й Мюнхенской конференции по безопасности 2018 г.², в которой участвовали более 30 глав государств и более 100 министров из различных стран мира, заявляется, что Китай и Россия не хотят встраиваться в Западный порядок и привержены собственному видению, определяющему их действия на мировой арене и влияние на международную политику. Китай, как и Россия, больше не рассматривается западными державами как ответственная сторона в международных отношениях [Kaczmarek M. *The decreasing...*, 2018, p. 2]. Ситуация развивается так, что Китай, все больше «отдаляющийся» от Запада, может сблизиться с Россией, что сделает более весомой роль Москвы в отношениях с Пекином.

Список литературы

1. Kaczmarek M. China and Russia in global governance: Long-term obstacles to cooperation / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 7 p. (FIIA briefing paper N 244).
2. Kaczmarek M. Russian-Chinese relations in Eurasia: Harmonization or subordination? / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 7 p. (FIIA briefing paper N 238).
3. Kaczmarek M. The decreasing asymmetry in Russia-China relations: the consequences of the western policy shift towards China / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 2 p. (FIIA comment N 6).
4. Kaczmarek M., Katz M.N., Tiilikainen T. The Sino-Russian and Us-Russian relationships: Current developments and future trends / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 123 p. (FIIA report N 57).

¹ Munich security report 2018: To the brink – and back? / Munich security conference. – 2018. – 87 p. – Mode of access: https://securityconference.org/assets/02_Dokumente/01_Publikationen/MunichSecurityReport2018.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

² Munich Security Conference 2018 / Munich security conference. – 2018. – Mode of access: <https://securityconference.org/en/msc-2018/> (дата обращения: 03.08.2020).

5. Russia-China relations: Current state, alternative futures, and implications for the West / Ed. by A. Moshes, M. Nojonen / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2011. – 121 p. (FIIA report N 30).
6. Siddi M., Kaczmariski M. Russia and China in the Middle East: Playing their best cards / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2019. – 8 p. (FIIA briefing paper N 275).
7. Sinkkonen E. China-Russia security cooperation: Geopolitical signalling with limits / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 8 p. (FIIA briefing paper N 231).